

ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО УРОВНЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

О.В. Дудолодова

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

Бурное развитие гендерных исследований в отечественной науке не оставляет сомнений относительно актуальности изучения взаимосвязи языка и пола. Одна из центральных проблем современной лингвистики – проблема языкового сексизма, т.е. отображения социального неравенства полов средствами языка, – привлекает внимание многих украинских и зарубежных лингвистов (Кирилина 1999; Мартынюк 2002; Cameron 1992; Bodine 1998).

В данной статье рассматривается функционирование гендерных репрезентаций грамматико-семантического уровня на страницах англоязычных газет, а также проблема гендерно нейтрального средства референции в рамках категории рода, некоторые аспекты которой были предметом нашего исследования ранее (Дудолодова 2002). Задача состоит в изучении семантики антецедентов (гендерных репрезентаций) и выявлении причин, обуславливающих выбор местоимения-анафоры. Основной единицей анализа является гендерная репрезентация как единица определённого языкового уровня, фиксирующая пол референта в его общественной значимости и отражающая стереотипные для данного лингво-культурного социума представления о качествах, поведенческих характеристиках и социальных ролях мужчин и женщин.

Исследование построено на анализе британских и американских периодических изданий, которые мы рассматриваем в совокупности их характеристик как англоязычный газетный дискурс, определяя его как вербализированную речемыслительную деятельность, происходящую в определенном коммуникативном контексте (Красных 2001:200).

Английский грамматический род считают скрытой категорией, обнаруживаемой только через анафорические местоимения 3-го лица единственного числа (БЭС 1998:418). Как и в древнеанглийском, в современном английском языке *he* (ОЕ "*he*") прототипически идентично лицу мужского рода, *she* (ОЕ "*heo*") – женского рода, *it* (ОЕ "*hit*"), называемое "личностной формой", идентично всем остальным объектам, одушевлённым и неодушевлённым. При этом английскую родовую систему определяют как семантическую, т.е. такую, где родовая принадлежность имени практически совпадает с биологическими характеристиками его референта (Corbett 1991).

Нельзя не согласиться с тем, что говорить о грамматической категории рода в английском можно только, исходя из понимания рода как синтаксической, а не морфологической категории и считая главным критерием определения рода согласование (Corbett 1991:1,4-5). При этом согласование следует понимать не только в узком, привычном смысле как подчиненную связь компонентов словосочетания, при которой в зависимом слове повторяются грамемы или часть граммем главного слова, а при подчинении главного слова, меняется и зависимое (БЭС 1998:470), но и в более широком – как регулярно повторяющийся рисунок подчинения анафорических личных, притяжательных и возвратных местоимений 3-го лица единственного числа их антецеденту-существительному по признаку половой принадлежности референта последнего.

В случае конкретной референции пол референта, обозначаемого антецедентом, фактически совпадает с грамматическим родом местоимения-анафоры, ср.:

(1) *...one contestant's hat was so huge, it completely obscured her face* (Cosmopolitan, Feb.1999).

(2) *The State Opening is the one occasion when Black Rod is center-stage-his job is to knock 3 times on the door of the Commons...* (Mail on Sunday, April 2002).

В случае общеродовой или неконкретной референции антецедента выбор местоимения-анафоры представляет определённую проблему для носителя языка и привлекает внимание многих исследователей (Cameron 1992; Bodine 1998; Corbett 1991; McConnell-Ginet 1979).

Прескриптивные грамматики предписывают употребление с такого рода антецедентами анафорического местоимения мужского рода *he*, называя его "общеродовым" ср.:

(3) *The less a person listens or views, the more likely he is to be selective* (Daily Worker 1960).

Если построить критерии грамматической правильности на наблюдении и анализе реального употребления, то проблема гендерно нейтрального средства референции становится эмпирической: являются ли альтернативные *he* варианты: *he or she* и *they*, а также *she* приемлемыми для носителей языка, какова их частотность в дискурсе и зависит ли выбор анафоры от семантики антецедента.

В поисках ответа на поставленные вопросы был проведен частотный анализ употребления *he*, *he or she*, *they* в качестве анафоров немаркированных по роду антецедентов, которые были представлены существительными со значением лица, ср.: *doctor, secretary, citizen* и т.д., неопределёнными относительными и вопросительными местоимениями-существительными, ср.: *anyone, no one, someone, everyone/-body, who, whoever* и номинативными сочетаниями, состоящими из неопределённого местоимения-прилагательного *every/each* и существительного со значением лица, ср.: *each person, every worker*.

Гендерные репрезентации, выступающие в роли антецедентов, представлены дескриптивно ориентированными номинациями (Телия 1996:106). Дескриптивно ориентированные номинации ограничиваются функцией референции, т.е. указанием на тот или иной объект предметного мира все его субъективной оценки коммуникантами. В данном типе гендерных репрезентаций выделяются идентифицирующие (*person, individual*) и ролевые (*client, driver*), статусные (*boss, chief*) и профессиональные номинации (*doctor, politician, teacher*).

Согласно данным нашей выборки, в англоязычном газетном дискурсе 70-90-х годов XX века – начала XXI века антецеденты, выраженные идентифицирующими гендерными репрезентациями в 78,8% имеют своим анафором *they*, в 16,5% (...) – *he* и в 4,7% – *he or she*.

(4) *In the last few years, the individual is worth a lot more than they ever were before* (Monitor World, April 2002).

(5) *If someone wants to live in Austria, he has to respect Austria's traditions* (Monitor World, May 2002).

(6) *One might not miss the other as much as she (or he) expected to* (Cosmopolitan, July 2000).

Представляется, что относительную распространенность доли анафоры *he* с идентифицирующими антецедентами можно связывать с тем обстоятельством, что в сознании носителя языка закрепилась ассоциация лица с референтом мужского пола как результат усвоения языкового знания, т.е. правил прескриптивных грамматик, и внеязыкового знания, т.е. усвоения социального опыта, предсказывающего, что мужчина скорее, чем женщина, может выступать референтом неспецифицированной по роду номинации, т.к. мужчины играют гораздо более важную роль во всех сферах жизни общества и, следовательно, в основных типах дискурса.

Наиболее распространённым анафором статусно - ролевых антецедентов является *he* (64,7%), далее по частотности следует *he or she*, не встречается *they*, однако зарегистрированы немногочисленные примеры "общеродового" *she*, доля которого составила 20,6%.

(7) *If a chief wants election, he must abdicate* (Mail on Sunday, June 2002).

(8) *... the driver is confronted by 55 buttons on the centre console, ... and 9 on the door to distract his or her attention* (Financial Mail, Sept. 2000).

(9) *Even if you have a perfect right to be angry, a bad attitude will make the manager defensive of her staff and unwilling to help* (Cosmopolitan, June 2000).

Выбор анафоры *he* отражает социальный опыт носителя языка, свидетельствующий о том, что высоким социальным статусом в западном обществе, как правило, владеют мужчины (Cameron 1992:95-96). Употребление анафоры *he or she* может диктоваться политическими взглядами адресанта, в частности, его отношением к проблеме политкорректности в целом и феминизму как её части. В какой-то мере выбор анафоры *he or she* можно связать с политическими или социальными реалиями данного лингво-культурного социума: так, то обстоятельство, что в британской прессе антецедент Prime Minister довольно часто имеет своим анафором *he or she* можно объяснить тем, что женщина – премьер-министр – это существовавший в течение целого ряда лет факт социально-политической жизни Великобритании, ср.:

(10) *All other crown prerogatives are, to all intents and purposes, subcontracted to the Prime Minister, who can use them without consulting the Cabinet or Parliament provided that he or she enjoys majority support in the Commons* (Morning Star, March 1988).

Что касается использования анафоры *she*, то такие случаи наблюдаются только в информационно-развлекательном дискурсе женских журналов, которые рассчитаны на адресата-женщину и героиней которых выступает активная, деловая, делающая успешную карьеру женщина. Именно такая представительница женского пола выступает референтом большинства статусных антецедентов, ср.:

(11) *If your boss loves Andy Warhol, send her a card of his Marilyn Monroe print* (Cosmopolitan, June 2000).

Как и в случае статусно-ролевых антецедентов, наиболее распространённым анафором профессионально-ролевых антецедентов является *he* (84%). Далее в порядке уменьшения частотности следует *he or she* (12%) и *she* (4%). Анафор *they* не зарегистрирован.

(12) *What kind of doctor sleeps with his patient?* (Guardian Weekly, April 2002).

(13) *...part of an employee's reward is being seen as an ambassador for the firm and knowing that his or her opinion counts* (MonitorWorld, April 2002).

(14) *Mrs Kinnock's hair is the kind a shopkeeper on Teesside would have done for her sister's wedding. It's horrid* (Mail on Sunday, April 2002).

Представляется, что в данном случае выбор антецедента отражает стереотипные представления носителя языка о распределении ролей между мужчинами и женщинами в профессиональной сфере. По данным психолингвистических экспериментов, носители английского языка ассоциируют престижные профессии, типа *surgeon, politician, doctor, manager, lawyer, architect* с референтами мужского пола (McConnell-Ginet 1979).

Несмотря на то, что в реальной социальной практике женщина сегодня активно работает во многих профессиональных сферах, отражаемых вышеназванными антецедентами, в дискурсивной практике анафора *she* при таких антецедентах имеет место лишь в случаях конкретной референции.

(15) *An elegant former boss of mine once carried... flour from Atlanta to Hawaii so she could make biscuits for her host family's breakfast* (Monitor World, March 2002).

По данным упомянутых выше экспериментов, существует группа профессий, ассоциируемых с референтом женского пола, которая включает менее престижные вспомогательные профессии, требующие более низкой, по сравнению с "мужскими", квалификации, ср.: *home help, nurse, primary school teacher, shopkeeper* или же профессии, ориентированные на сексуальную привлекательность, ср.: *model*. Количество таких антецедентов немногочисленно, чем отчасти и объясняется низкий процент анафоры *she*.

Появление анафоры *he or she* можно связывать со стремлением адресата к "политической корректности". В отличие от статусных и профессиональных антецедентов, ситуативно-ролевые указывают на переменные, а не стабильные характеристики референта, не подлежащие классификации по степени социального престижа. Следовательно, в меньшей степени можно ожидать, что они могут ассоциироваться с референтом определённого пола. Взаимозаменяемость анафор при одних и тех же антецедентах подтверждает это предположение, ср.:

(16) *If their client is "tired" because he was woken at 6 a.m.* (Mail on Sunday, April 2002).

(17) *The client can rethink the parameters of their ideal partner as they go along* (Cosmopolitan, Feb. 1999).

(18) *I'm picking up signals from what my client does or doesn't say, how she says it, how she holds herself* (Cosmopolitan, Feb. 1999).

Высказанное предположение подтверждают и данные количественного анализа: доля анафоры *he* здесь значительно меньше, чем при статусных и профессиональных antecedентах и составляет 18%, а доля *he or she* выше – 38,2%. Как и в случае с идентификационными antecedентами, довольно высокий процент анафоры *they* – 35% и *she* – 8,8%.

Результаты количественного распределения альтернативных анафор при antecedентах разной семантики отражают стереотипные представления носителей языка о социальных ролях мужчины и женщины, а также их политические взгляды и пристрастия. Весьма перспективным представляется проведение микродиакронического анализа количественного соотношения анафоры *he* и ее альтернатив на временном срезе 60-х гг. XX века (до начала активной деятельности феминистов) и на современном этапе. Такой анализ позволит проследить влияние изменений в общественном сознании лингво-культурного социума на языковое употребление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дудолодова О.В. Сфера референції загальнородового "he" у сучасній англійській мові //Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2002. – №567. – С. 289-294.
2. Кирилина А. Гендер: лингвистические аспекты. - М.: Изд-во "Институт социологии РАН", 1999. – 180 с.
3. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – Москва: Гнозис, Кучково поле, 2001. – 269 с.
4. Марьнюк А.П. Оппозиция "мужественность"/"женственность": "мифы" и языковая реальность // Вестник Международного славянского университета. – Харьков, 2001. – Т.5, №3. – С. 44-49.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.
6. Bodine A. Androcentrism in prescriptive grammar. Singular they, sex-definite he or she //The Feminist Critique of Language. A Reader. Ed. by D. Cameron.–L,NY:Routledge, 1998. – P.124-141.
7. Cameron D. Feminism and Linguistic Theory. – New York: Palgrave, 1992. – 247 p.
8. Corbett G. Gender. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 363 p.
9. McConnell-Ginet S. Prototypes, pronouns and persons //Ethno-linguistics: Boas, Sapir and Whorf Revisited (ed. by M. Mathiot). – The Hague, Paris, New York: Mouton Publishers, 1979. – P. 63-85.

Поступила в редколлегию 18 марта 2003г